

Научная статья
УДК 343.140.02

doi: 10.17223/23088451/25/12

К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ ЭЛЕМЕНТОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Дмитрий Анатольевич Мезинов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mez_da@mail.ru*

Аннотация. В статье применительно к доказыванию элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности продемонстрированы некоторые негативные тенденции практической деятельности органов уголовного преследования и суда, а также выдвинуты предложения по их преодолению.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, субъективная сторона преступления, экстремистские преступления

Для цитирования: Мезинов Д.А. К вопросу о доказывании элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 70–74. doi: 10.17223/23088451/25/12

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/12

ON PROVING THE SUBJECTIVE ELEMENTS OF EXTREMIST CRIMES

Dmitry A. Mezinov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mez_da@mail.ru*

Abstract. The article demonstrates negative trends in the practical work of criminal prosecution authorities and courts concerning the proving of subjective elements of extremist crimes. Using two criminal cases involving public calls for extremist activities committed via the Internet as examples, the author reveals two interrelated trends. The first negative trend is the insufficiently critical assessment by criminal prosecution bodies and courts of forensic expert reports examining defendants' speech products in these cases. The second negative trend is these authorities' inadequate and superficial analysis of the contextual circumstances of actions deemed extremist, along with the personal characteristics of defendants. To address the first trend, the author emphasizes the crucial need to strictly adhere to the principle of free evaluation of evidence under Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and specifically emphasized regarding the assessment of expert conclusions in two rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation when proving extremist crimes. This requires accounting for the scientific and methodological shortcomings in linguistic, psychological, religious studies, historical and other forensic examinations of speech products conducted in such cases. Consequently, prosecution authorities and courts must pay closer attention to alternative forms of specialized knowledge application permitted by law, particularly specialist conclusions and testimony. This would enable them to evaluate existing expert reports more critically yet substantively. Regarding the second trend, the author stresses the mandatory proving of motives for all extremist crimes, as well as direct intent and purpose for most such offenses. Accurately establishing these subjective elements requires comprehensive analysis of the situational context of allegedly extremist actions and defendants' personal characteristics. This requirement mirrors provisions in a special ruling by the Plenum of the Supreme Court addressing this category of crimes.

Keywords: criminal procedural proving, subjective elements of crime, extremist crimes

For citation: Mezinov, D.A. (2025) On proving the subjective elements of extremist crimes. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 70–74. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/12

Сложности в доказывании элементов субъективной стороны преступления, таких как форма вины, мотив и цель преступления, в первую очередь, вызваны самим характером этих элементов, их отнесенностью к области психических явлений, устанавливаемых по конкретным уголовным делам лишь опосредованно через изучение их внешних проявлений в самом преступном деянии, а также в до- и постпреступных поведенческих актах

субъекта преступления. К сожалению, наряду с отмеченными объективно обусловленными трудностями, надлежащему установлению элементов субъективной стороны преступлений в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел могут мешать и определенные недостатки самой практической деятельности органов уголовного преследования и суда по доказыванию этих элементов преступлений. Причем

эти недостатки могут приобрести устойчивый, постоянно повторяющийся характер, проявляясь как негативные тенденции практической деятельности. Так, наличие такого рода негативных тенденций практики доказывания элементов субъективной стороны преступления применительно к преступлениям экстремистской направленности автор настоящей статьи предполагал, исходя из сведений, воспринятых из различных источников. Ознакомление с двумя уголовными делами, завершёнными постановлением обвинительных приговоров по преступлениям, квалифицированным как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», т.е. по ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], дало достаточно наглядные подтверждения наличия двух взаимосвязанных негативных тенденций практики доказывания элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности.

Первая тенденция – недостаточно критичная оценка следователями, а затем прокурорами и судьями (далее по тексту перечисленные субъекты объединяются понятием «властные субъекты доказывания») заключений судебных экспертиз, проводимых в целях исследования продуктов речевой деятельности подозреваемых и обвиняемых по рассматриваемым уголовным делам. Другими словами, властные субъекты доказывания явно переоценивают возможности таких экспертиз и преувеличивают доказательственное значение получаемых по их итогам заключений экспертов. Имеются в виду наиболее часто проводимая лингвистическая экспертиза, а также психологическая, религиоведческая, историческая и некоторые другие виды экспертиз.

Вторая тенденция (заметно усиливающаяся проявлением первой) – недостаточно глубокий и всесторонний анализ и учет властными субъектами доказывания обстоятельств обстановки (конкретной ситуации) осуществления действий, оцениваемых как проявление экстремизма, а также характеристик личности обвиняемых, без чего невозможно точное и правильное установление обстоятельств субъективной стороны состава преступления. В частности, по изученным делам о преступлениях, квалифицированных по ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), просматривались недостаточный анализ и неучет контекста дискуссий в сообществах социальной сети и мессенджера, в рамках которых обвиняемыми были размещены перепосты с комментариями к ним, в которых были усмотрены признаки состава такого преступления.

Итак, обратимся к более подробному рассмотрению отмеченной первой тенденции. Учитывая, что большая часть составов преступлений экстремистской направленности связана с нарушением юридизированных норм социальной коммуникации, такие преступления часто выражаются в вербальной форме – включают в себя устные высказывания и письменные тексты запрещенного уголовным законом содержания и информационного статуса [2. С. 9]. Оценка властными субъектами доказывания вербальных действий как преступных, конечно,

требует использования специальных знаний в соответствующей области, наиболее устоявшейся и признанной формой которых в уголовном процессе выступает судебная экспертиза. Выводы проведенных в отношении вербальных продуктов человеческой коммуникации лингвистических, психологических, религиоведческих, исторических и некоторых других судебных экспертиз действительно значимы и, по сути, предопределяют констатацию властными субъектами доказывания наличия в этих продуктах признаков составов преступлений экстремистской направленности.

Несмотря на большую значимость перечисленных судебных экспертиз, властным субъектам доказывания при оценке выводов экспертов следует, во-первых, не забывать о закрепленном в ст. 17 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] принципе свободы оценки доказательств, специально оговоренном применительно к оценке заключений экспертов в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» [4] и п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [5]. Руководствуясь положениями, отражающими этот принцип, ни одно из доказательств, в том числе заключение эксперта, не следует считать имеющим заранее установленную силу и приоритет над другими доказательствами, и, как и все иные доказательства, заключение эксперта должно оцениваться по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Тем более, на вопросы правового характера властные субъекты доказывания должны отвечать самостоятельно и не копируя выводы заключений экспертов. Во-вторых, учитывать, что методическое обоснование судебных экспертиз, проводимых в отношении вербальных продуктов человеческой коммуникации, несмотря на нарабатанную экспертную практику части из них (имеется в виду лингвистическая экспертиза), не исключает возможных неоднозначности и субъективизма в выводах эксперта. Вызвано это во многом известными оценочностью и динамизмом (можно сказать чрезмерным) многих понятий антиэкстремистского законодательства, а также имеющимися проблемами в профильных по отношению к данным экспертизам гуманитарных науках с их высокой опять-таки субъективностью, слабой формализацией и систематизацией [2. С. 10]. В середине 10-х годов текущего века отмечалось, что ни по одной категории дел не было столь бурно обсуждаемых заключений экспертов и такого количества противоречивых, в том числе непрофессиональных заключений, повлекших широкий общественный и даже политический, иногда скандальный резонанс судебных дел, по которым проводились такие экспертизы [2. С. 7]. Пожалуй, на данный момент эти высказывания по-прежнему актуальны.

Так, в первом из изученных уголовных дел на основании вывода эксперта-лингвиста в качестве одного из двух эпизодов публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности обвиняемому был вменен

произведенный им в 2021 г. в соцсети «ВКонтакте» комментарий, относящийся к известным историческим событиям аж октября 1993 г. у «Белого дома» в Москве [6]. Во втором (довольно резонансном) уголовном деле вывод эксперта-лингвиста также привёл к тому, что властные субъекты доказывания, как говорится, ничтоже сумняшеся признали публичным призывом к осуществлению экстремистской деятельности комментарий обвиняемого «за такое расстреливать мало» к сделанному им перепосту в мессенджере «Телеграм» о невыплате положенного по закону довольствия военнослужащим одной из частей Вооруженных Сил РФ, участвующих в специальной военной операции (далее – СВО). Такая оценка этого комментария броско противоречит решениям об отказе в возбуждении уголовных дел в отношении некоторых депутатов Государственной Думы РФ, допустившим (и по-прежнему допускающим) аналогичные эмоциональные суждения (по другим поводам) в своей публичной деятельности.

Полагаю, преодолению рассмотренной первой негативной тенденции помогло бы более внимательное отношение властных субъектов доказывания (особенно судов) к иным альтернативным формам использования специальных знаний, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Имеются в виду заключения специалистов, а также их показания, полученные на их допросах в качестве свидетелей (собственно допрос специалиста УПК РФ не предусмотрен). Это позволило бы властным субъектам доказывания более критично и свободно, но при этом достаточно обоснованно относиться к уже имеющемуся в уголовном деле заключению эксперта и не следовать ему слепо при вынесении основных процессуальных решений по делу. Кроме того, при необходимости перепроверять и опровергать выводы эксперта в своих выводах по делу, если и не с помощью прямых ссылок на заключения и показания специалистов, то через использование выводов повторных (или дополнительных) экспертиз, назначение которых можно обосновать критическими суждениями из заключений и показаний специалистов. К сожалению, сложившейся следственной и судебной практикой сформировано в целом недостаточно положительное восприятие властными субъектами доказывания заключений и показаний специалиста как видов доказательств и по другим категориям уголовных дел. Чему в известной степени способствует провозглашение приоритета (по сути, чрезмерного) над ними заключения эксперта в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28. Но и эту общую негативную тенденцию в направлении совершенствования процесса доказывания по всем уголовным делам, как говорится, рано или поздно необходимо преодолевать. По уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности актуальность такого преодоления явно назрела.

Теперь рассмотрим вторую отмеченную в начале статьи негативную тенденцию, имеющую место в практике доказывания по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. Данная тенденция, в

отличие от предыдущей, является ещё более непосредственным препятствием на пути надлежащего установления элементов субъективной стороны, в первую очередь, формы вины, в преступлениях экстремистской направленности. Здесь же надо добавить, что, несмотря на невключение в часть составов таких преступлений мотива и цели преступления в качестве их обязательных элементов, фактическое установление мотивов и целей данных преступлений в уголовных делах по ним чрезвычайно важно. Как известно, мотивы и цели преступления во многом определяют форму вины лица [7. С. 9; 8. С. 8], и, более того, цель преступления является однозначным критерием констатации прямого умысла в действиях лица – именно такая форма вины присутствует (и должна присутствовать) в большинстве составов преступлений экстремистской направленности. Обязательность доказывания мотивов совершения преступления по всем преступлениям экстремистской направленности, а также прямого умысла (а значит, и цели) по большинству составов таких преступлений утверждается и разъяснениями в п. 3 и 8 упомянутого выше специального принятого для уголовных дел о преступлениях данной категории Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11.

Для надлежащего установления формы вины, мотивов и целей преступления требуются глубокий и всесторонний анализ и учет обстоятельств обстановки (конкретной ситуации) осуществления действий, оцениваемых как проявление экстремизма, а также характеристик личности обвиняемых. Вторая негативная тенденция и заключается в недостатках такого анализа и учета, при этом она в немалой степени усиливается показанной выше первой тенденцией, выражающейся в недостаточной критичной оценке и преувеличении доказательственного значения заключения эксперта. Однако здесь возможно и обратное влияние: первую тенденцию в производстве по конкретному уголовному делу можно нивелировать преодолением второй тенденции. В частности, по делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, даже при некритичном принятии выводов эксперта о наличии признаков, указывающих на проявление экстремизма в действиях вербального характера (что относится, по сути, к объективной стороне состава преступления), все-таки путём глубокого и всестороннего анализа и учета контекста дискуссий в сообществах соцсетей и мессенджеров, в рамках которых обвиняемыми осуществлены эти вербальные действия, а также характеристик их личностей властные субъекты доказывания все-таки могут и должны делать самостоятельные, не зависящие от заключения эксперта выводы о мотивах, целях этих действий, о наличии или отсутствии в них прямого умысла на совершение преступления. Собственно всестороннего учета обстоятельств конкретной ситуации размещения оцениваемой на наличие экстремистских призывов информации в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникацион-

ной сети, а также данных о личности обвиняемого требует и Пленум Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 8 упомянутого выше Постановления от 28.06.2011 г. № 11.

Между тем на примере упомянутых выше изученных уголовных дел о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности такое преодоление описанных негативных тенденций не произошло, напротив, вторая тенденция нашла своё явное проявление, никак не обеспечив преодоление первой тенденции. Так, в обоих делах властные субъекты доказывания не учли и не оценили надлежащим образом данные самими обвиняемыми в своих показаниях объяснения целей размещения ими перепостов и комментариев в соцсети и мессенджере.

В первом уголовном деле обвиняемый показал, что своим комментарием, относящимся к событиям октября 1993 г. у «Белого дома» в Москве, он хотел показать последствия, к которым может привести развитие политической ситуации в стране по обсуждаемому на странице сообщества в соцсети «ВКонтакте» сценарию. Относительно же второго вмененного ему в вину перепоста на странице сообщества в мессенджере «Телеграм» он пояснил, что хотел и преследовал цель призвать участников сообщества к его обсуждению, в том числе к критической оценке некоторых действительно опасных для общества суждений в этом перепосте. Иные обстоятельства размещения этих комментария и перепоста также не давали оснований для однозначного вывода о наличии у него цели побудить (призвать) кого-либо именно к совершению экстремистских действий. Не могли коррелировать с такой целью и положительные характеристики личности обвиняемого, бывшего госслужащего, долгое время надлежащим образом осуществлявшего трудовую деятельность в сфере молодежной политики в департаменте администрации города, по своим ценностным ориентациям являющегося патриотом страны, сторонником и пропагандистом здорового образа жизни.

Во втором упомянутом выше уголовном деле обвиняемый также отрицал наличие у него цели побудить (призвать) кого-либо к совершению вменённых ему экстремистских действий в отношении «социальной группы лиц

чиновников государства», т.е. государственных служащих. Мотивом (и отдаленной целью) сделанных им перепоста в мессенджере «Телеграм» и эмоционального комментария к нему он называл желание привлечь внимание к действительно незаконному и недопустимому (в условиях проведения СВО) бездействию органов военного управления в части обязанности своевременно выплачивать жалование военнослужащим. Усмотрение властными субъектами доказывания в перепосте и комментарии обвиняемого цели побудить (призвать) кого-либо к совершению экстремистских действий против государственных служащих (т.е., по сути, против государства как политического института), даже при согласии с заключением эксперта-лингвиста о наличии в данных перепосте и комментарии признаков, указывающих на проявление экстремизма, также явно не коррелировало с положительными характеристиками личности обвиняемого. Материалы уголовного дела содержали сведения о широкой известности обвиняемого общественности как безусловного патриота России, что подтверждалось его соответствующим активным участием в событиях 2014 г. на Донбассе, и государственника – противника всякого насильственного противодействия органам государственной власти, как угрожающего беспорядкам и хаосу в обществе, что подтверждалось его последовательной и оперативной негативной оценкой попытки государственного переворота со стороны руководства ЧВК «Вагнер» в июне 2023 г.

Таким образом, по изученным уголовным делам прямой умысел в описанных эпизодах вербальных действий обвиняемых, квалифицированных как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, установлен не был, поскольку не были надлежащим образом установлены мотивы и цели, соответствующие совершению таких преступных действий. К сожалению, следует признать, что по этим делам органы уголовного преследования, а затем и суда, не доказав надлежащим образом наличие обязательных элементов субъективной стороны состава преступления, нарушили закрепленный в ст. 5 УК РФ принцип вины, допустив запрещенное в ч. 2 этой статьи так называемое объективное вменение.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 23.04.2025).
2. Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности / О.Н. Матвеева, Н.В. Вязигина, М.М. Градусова, А.А. Королёв, Я.О. Шашкова, Е.И. Шмидт ; под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул : Новый формат, 2016. 351 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 23.04.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712 (дата обращения: 23.03.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // CONSULTANT.RU : официальный сайт компании «КонсультантПлюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/?ysclid=m7iu8n6jg1418587780 (дата обращения: 23.04.2025).
6. Уголовное дело № 1-115/2024 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска.
7. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 45 с.
8. Соколова О.В. Уголовно-правовой аспект мотивации преступного поведения и проблемы доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 28 с.

References

1. Consultant Plus. (2025) *Criminal Code of the Russian Federation*. No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 21.04.2025). [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Accessed: 23.04.2025). (In Russian).
2. Matveeva, O.N. et al. (2016) *Sudebnaya ekspertiza po delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti* [Forensic Examination in Cases of Extremist Crimes]. Barnaul: Novyy format.
3. Consultant Plus. (2025) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. No. 174-FZ of 18.12.2001 (as amended on 20.03.2025). [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (Accessed: 23.04.2025). (In Russian).
4. Consultant Plus. (2025) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 11 of 28.06.2011 (as amended on 28.10.2021) "On Judicial Practice in Criminal Cases of Extremist Orientation". [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712 (Accessed: 23.03.2025). (In Russian).
5. Consultant Plus. (2025) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 28 of 21.12.2010 (as amended on 29.06.2021) "On Forensic Examination in Criminal Cases". [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (Accessed: 23.04.2025).
6. Archive of Oktyabrsky District Court of Tomsk. *Criminal Case No. 1-115/2024*. (In Russian).
7. Sklayrov, S.V. (2004) *Vina i motivy prestupnogo povedeniya kak osnovanie differentsiatsii i individualizatsii ugolovnoy otvetstvennosti* [Guilt and Motives of Criminal Behavior as Basis for Differentiation and Individualization of Criminal Responsibility]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
8. Sokolova, O.V. (2003) *Ugolovno-pravovoy aspekt motivatsii prestupnogo povedeniya i problemy dokazyvaniya* [Criminal-Legal Aspect of Motivation of Criminal Behavior and Problems of Proof]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.

Информация об авторе:

Мезинов Д.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mez_da@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Mezinov, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 26.03.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*